

для самореализации личности, созданию благоприятных условий для решения проблемы формирования гармонично развитой личности.

УДК 130

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В.Н. Яхно

УО «Гомельский государственный технический университет

имени П.О. Сухого»

г. Гомель, Республика Беларусь

В данной статье рассматривается процесс глобализации и его влияние на культуру современного общества. Представлены основные точки зрения на проблему мультикультурализма.

The process of Globalization and its influence on Culture of the Contemporary society is considered in this article. The author presents her vision of problems on the Multiculturalism.

Термин «глобализация» стал систематически использоваться с конца 1980-х годов. Однако уже спустя десятилетие И. Бартелсоном был отмечен удивительный факт: всем ясно, что глобализация реальна, но никому непонятно, что она собой представляет по существу. По мнению российского философа Ю.Д. Гранина, социально-политическая история глобализации – это история превращения локальных историй: первобытных и постпервобытных, кочевых и аграрно-ремесленных обществ в политически оформленные ранние государства. А дальше – в региональную историю древних и средневековых этнических государств и империй, а затем – и во всемирную историю наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй, связавших человечество не только силою государственных форм территориального контроля, но и создавших новые «анонимные» системы власти: транснациональные организации и многонациональные корпорации. Иными словами, становление всемирной истории – противоречивый процесс, связанный с приливами и отливами «волн глобализации» на тех или иных территориях планеты, имеющий свой временной и географический масштаб [1, с. 9].

Движущими силами глобализации являются, прежде всего, экономические факторы: формирование единой финансовой системы, борьба за рынки сбыта и энергетические ресурсы, интернационализация стандартов и многое другое. Одной из причин глобализации является и формирование единого информационного пространства. Глобальное распространение информации, безусловно, демократизирует нашу жизнь, унифицирует наши представления о

мире, нашу культуру, наш язык, наши образовательные программы, наши потребительские вкусы. Вместе с тем единое информационное пространство упрощает процессы модернизации и устраняет преграды на пути экономической интеграции. Глубокое влияние информатизации общества и Интернета прослеживается и в формировании разнонаправленных процессов в современной культуре. А глобализация самой культуры рассматривается как процесс трансформации локальных, этнических культур и формирования глобальной техногенной цивилизации.

Глобализация в культуре, в том числе и белорусской, нередко отождествляется с вестернизацией, так как усиливающая своё глобальное господство массовая культура является преимущественно американской. В современной социогуманитарной литературе прослеживаются три основные точки зрения касательно культурной глобализации. Первая исходит из того, что культурная глобализация – это объективно необходимое и позитивное в своей основе явление. Например, известный политический обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс» Т. Фридман считает глобализацию безусловным благом. Сегодня, утверждает он, границы между своим и чужим так размыты, что, стреляя в другого, мы попадаем в себя. В соответствии с его «правилом золотой арки» страны, в которых есть закусочные «Макдоналдс», никогда не станут воевать друг с другом. Такая оптимистическая точка зрения на интеграцию и универсализацию культуры является примером, свидетельствующим о том, что наибольшее место в культурной интеграции имеют упрощенные варианты культуры. Например, система ресторанов «Макдоналдс» распространила по миру не только определенный способ и механизм предложения пищи, но и принципы эффективности, калькулируемости, предсказуемости и технического контроля. Такая упрощенная схема распространяется легче, чем сложные смыслы высокой культуры [2, с. 41]. Такую модель впервые описал и охарактеризовал ее американский социолог Дж. Ритцер. Он назвал её ЕСРС (Efficiency, Calculability, Predictability, Control through Nonhuman Technologies), а пояснил российский ученый Н.Е. Покровский. Он пишет: “Мир XXI в. рисовался многим социологам и журналистам таинственным и неизведанным, дарующим перспективы, которых был лишен век уходящий. По сути, новое столетие, эпоха посткапитализма предстает обыденной и даже вульгарной, но внутренне целостной, что и показывает Ритцер, и в этой исторической целостности заключается ее неизбежность. Постмодернистский хаос фрагментарных осколков смыслов и логических схем обретает несколько примитивную упорядоченность, навязывающую себя под именем глобализации всем

современным сообществу. Попытаться избежать ее также бесполезно, как в свое время было бесполезно избежать капитализма...» [3, с. 18]. Вторая точка зрения на культурную глобализацию – резко критическая. Она прослеживается в трудах представителей франкфуртской школы: в философии Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера, которые впервые открыли феномен культурной индустрии, ведущей, по их мнению, к деградации общества, к непоправимой утрате того, что составляет основу подлинности человека и его бытия. Эти идеи нашли продолжение в структурализме Мишеля Фуко, ситуационизме Ги Дебора, постмодернизме и в других течениях современной мысли. Так, постмодернистские теории образ культуры постсовременного общества выстраивают путем объединения таких цивилизационных характеристик, как традиция и инновация, цикличность и поступательность в развитии, светский характер социальной жизни и признание религиозности в культуре, авторитаризм и демократия, коллективизм и индивидуализм, индустриализация и ограничение пределов роста, локальность и универсальность и т.д. В качестве примера такого общества обычно приводят Японию. Американский социолог С. Хантингтон назвал данную позицию «модернизацией без вестернизации». Основы третьей точки зрения, умеренно критической, были заложены английским социологом Р. Хогартом. Выходец из рабочей семьи, он исследовал в 1930-е годы XX века процесс приобщения английских рабочих – выходцев из крестьян – к городской культуре. Процесс адаптации у них был не автоматическим и пассивным: рабочие проявляли способность к сопротивлению и уклонялись от «городских культурных стандартов». Каждая из названных позиций в той или иной мере отражает реальное положение вещей, но всё же первая точка зрения имеет меньше сторонников, нежели две другие. Поскольку западные культурные стереотипы продолжают свою экспансию во всем мире, то именно там формируются и основные способы ответов на требование признания коллективных идентичностей. Создаются модели бесконфликтного взаимодействия различных культур и цивилизаций. Одна из них называется «мультикультурализм». По определению французского социолога Мишеля Вевьёрки, «мультикультурализм» – это публичная политика, существенная часть институтов, правовых и государственных (или местных) действий по обеспечению культурным различиям (по крайней мере, некоторым из них) признания в общественной сфере» [4, с. 22].

Феномен «многокультурности» или мультикультурализм возник, прежде всего, в иммигрантских странах: в Соединенных Штатах, Канаде, Австралии, Швеции и других странах Западной Европы. Как

уже отмечалось, с конца 1960-х годов во всем мире наблюдаются две главные тенденции общественного развития. С одной стороны, происходит универсализация связей и отношений. Так, благодаря интенсивному общению, телевидению, радио и особенно Интернету появились общие для всех стран культурные единицы: мода, массовая культура, туризм, массовое потребление, спорт и др. Но, с другой стороны, становление планетарной экономики привело к нарастающей миграции, росту числа диаспор с их специфическими культурными притязаниями и это, соответственно, породило проблему «роста производства культурных различий» с которыми приходится считаться [2, с. 33].

В настоящее время можно обозначить три модели мультикультурализма как социального движения и определенной идеологии. Первая модель преодоления культурно-этнической разнородности – ассимиляция. Она ориентируется на полное или близкое к тому растворение меньшинств в более широкой, доминирующей культурной и этнической общности. Она требует сделать культурные особенности практически невидимыми или исключить их из общественной сферы. Ярким примером может служить Франция, которая, начиная со времени Великой французской революции, опирается на идеи республиканства и проводит политику культурного универсализма, стремится нивелировать этнические и языковые различия, построить светскую и гражданскую республику. Вторая, интегративная модель, нацелена на воспитание толерантности. Она предполагает сохранение каждой этнокультурной общностью своей идентичности. В то же время данная модель базируется на строгом разделении общественно-политической и частной сфер. В первой сфере последовательно осуществляется принцип равенства прав и свобод всех членов общества. Наличие культурных различий приемлемо, поскольку не создает сложностей в сфере закона и порядка, не порождает насилия и конфликты. Вторая сфера, охватывающая культурные, религиозные и другие аспекты, считает различия частным делом отдельного человека, поэтому в личной жизни они приемлемы. Следует отметить, что и в этом случае, как правило, проводится политика, направленная на стирание культурных, этнических и языковых различий, хотя делается это не всегда открыто. Государства, выбравшие вторую модель, называются этническими нациями, например, Германия. Третью модель, собственно мультикультурализм, в известной мере можно определить как попытку преодоления предыдущих моделей, некий третий путь решения культурного и национального вопросов. Эта модель возникла в Канаде и США в 80-90-е годы XX века. Прежде всего, это так называемый

«интегративный мультикультурализм», который сочетает требование культурного признания с борьбой против социального неравенства. Так, например, в Австралии и Швеции ставилась цель одновременно признать культурные особенности определенных групп, в основном иммигрантского происхождения, а также помочь их членам получить доступ к работе, жилью, здравоохранению, образованию для детей и т.д. В США основной целью было решение острой проблемы афроамериканского меньшинства, сглаживание разрушительных последствий расизма. В этом плане мультикультурализм выступал как политика определенных льгот и компенсаций, проводимая, прежде всего, в сфере высшего образования. А Канада официально определяет себя как многокультурное общество, покаясь на англо-французском двуязычии, ею принят специальный закон о многокультурности. В настоящее время, мультикультурализм вышел за границы Северной Америки и оказал влияние на другие страны. В частности, в Австралии, Колумбии, Парагвае и Южной Африке были приняты конституции, основанные на мультикультурализме. Российский научный и политический контексты оценки мультикультурализма очень разнообразны. Политические оценки опираются на противоречивый характер процесса формирования единой российской нации и отмечены необходимостью решительно противостоять экстремизму и национализму [5, с. 86]. Современный дискурс мультикультурализма в России скорее противопоставляет индивидуальные права и интересы групповым, усматривая в последних основную угрозу гражданским свободам. В Беларуси вопросы культурного многообразия, как правило, рассматриваются в рамках идеи толерантности, а мультикультурализму отводится вспомогательная роль в проблематике социогуманитарных дисциплин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гранин, Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация» / Ю.Д. Гранин // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 3-15.
2. Бирюкова, М.А. Глобализация: интеграция и дифференциация культур / М.А. Бирюкова // Философские науки. – 2001. – № 1. – С. 33-42.
3. Федотова, В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории / В.Г. Федотова // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 3-21.
4. Вевьёрка, М. Формирование различий / М. Вевьёрка // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 13-23.
5. Низамова, Л.Р. Российские и западные трактовки мультикультурализма / Л.Р. Низамова // Социологические исследования. – 2009. – № 10. – С. 80-89.